

НАТАЛИЯ РОМАНОВА

ДЫШУ
лишь тобой

Наталия Романова

Дышу лишь тобой

Серия «Грушевый переулок», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74493056

Аннотация

Всю жизнь Соня считала соседского мальчишку Илиаса дурачком. Ведь только дурачок может всегда быть таким спокойным, не реагируя на все её пакости и провокации, на которые маленькая Соня была просто мастером.

Они не виделись много лет, оба успели повзрослеть и стать специалистами каждый в своей области. Но вы представляете, какую профессию этот дурачок умудрился себе выбрать?

Гинеколог!

Молодой, красивый мужчина – и вдруг гинеколог!

Ладно, ещё и хирург. Но гинеколог же! Ужас!

Зато у Сони великолепная профессия – она инженер-технолог и очень востребована в своей области. А ещё она спортсменка и просто красавица. В общем, взрослая и самодостаточная женщина.

Но почему же ей, как и двадцать лет назад, так хочется вывести на эмоции этого непробиваемого мужчину?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	58
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Наталия Романова

Дышу лишь тобой

Глава 1

С момента моего прилёта в Москву прошло чуть меньше суток, я всё ещё испытывала все прелести джетлага и вообще перелёта.

Ненавидела самолёты. Самый маленький перелёт, длиной в полтора часа, выбивал меня из равновесия на неделю, здесь же пришлось лететь четырнадцать с лишним часов.

Четырнадцать!

Естественно, чувствовала я себя пыльной ветошью, прибитой молью, и растёкшейся субстанцией одновременно, но упорно держала нос по ветру и хвост пистолетом, иначе не могла.

Кипучая, могучая энергия пёрла из меня, даже если организм требовал лежать ничком и сладко посапывать под уютным одеялом.

Вот и шла я по московским улицам, вдыхая забытый воздух родины, счастливо улыбаясь прохожим, солнцу, ветру, голубям, собакам, кошкам, облакам... Вся такая летяще-парящая, воздушная вся.

Сегодня была назначена встреча со всем нашим много-

численным семейством, вернее, со средним её поколением – у некоторых уже успели появиться дети, заняв некогда наше младшее положение, – перебравшимся в Москву.

В честь моего возвращения, между прочим, так что не пойти я не могла.

Зная мою «любовь» к перелётам, родственники предлагали перенести посиделки, не тут-то было. Я скорее откушу себе ухо, а я смогу, можете не сомневаться, чем покажу слабость братьям, хоть родным, хоть сводным, хоть названным, хоть каким. И планов на следующую неделю у меня было столько, что ближайшее свободное время появится примерно в следующем десятилетии.

Я не в гости приехала, а навсегда, значит, нужно обустроиваться.

Кинуть клич среди бывших однокурсников Бауманки, вдруг где-то необходим специалист в моём лице, да и просто встретиться с друзьями-приятелями хотелось. Два с лишним года прошло с диплома!

Заняться ремонтом. Квартиру мне купили давно. Она стояла пустая, пугая серыми бетонными стенами, заставляя крошить зубы моего отца, который, на минуточку, занимался строительством, и жилье дочери в таком состоянии было прямо-таки оскорблением всему его греческому роду. Только я пока не решила, что хочу видеть в своём двухкомнатном гнёздышке с видом на парк, так что пришлось папе взять себя в руки.

Купить машину. Выбрать тоже самой, потому что на «маленькой, юркой машинке», кою мне упорно сватали братишки, сами пусть ездят. Мне бы что-нибудь похожее на автомобиль, а не на толокар.

И... ой, полно дел.

Другими словами, у меня была сотня причин отдать сестринский долг сегодня, а с завтрашнего дня начать новую жизнь, полную карьерной гонки, многочасовых пробок и плохой весенней погоды, по сравнению с Тэджоном, где я жила последние пару лет.

Всё такое привлекательное... Жду не дождусь!

Ресторан русской кухни распахнул двери, приглашая в зал с соответствующей обстановкой, моментально согревшей мою истерзанную временной миграцией душу.

Имитация печи, покрытая изразцами в народном стиле, резьба по дереву, жестяные подносы с жостовской росписью, гжель, неизменные матрёшки и самовары, льняные вышитые скатерти.

Забористая клюква растеклась бальзамом по сердцу, умасливая мою казацко-русскую кровушку с вкраплениями греческой души.

– Сонь, – махнул рукой один из братьев, сидя за просторным столом.

Саша. Наш звездун хоккея, несомненная гордость семьи, если не брат в расчёт, что все мы – звёзды. Несомненные.

Его я уже видела, потому что временно поселилась у

него, создав массу неудобств. Вообще-то я готова была снять квартиру, но все, начиная с пострадавшего звездуна, встали в позу, заявив, что не позволят девочке жить одной.

Ага, а в Южной Корее, и до этого, учась в Бауманке, я жила с компаньонкой из обедневших дворян, не иначе.

– Привет, – шлёпнулась я рядом. – Где все?

– Ты немного раньше, скоро будут. Меню пока посмотри, – протянул увесистую папку.

Грузди солёные, капуста квашеная, кулебяка с сибирским муксуном, солянка, котлета из царской щуки, буженина с хреном и русской горчицей, селёдка, мать её, под шубой.

Господи боже, благослови мой метаболизм!

– Ты убрала свою косметику из моей ванной? – тем временем спросил братец.

– Убрала, – буркнула я. – Как и договаривались, утащила в свою.

– Хорошо...

– Чего ты паникуешь? Скажешь, сестра приехала. Можешь паспорт мой показать, у нас фамилия одинаковая, – напомнила я, что родной отец Саши, когда женился на моей матери, удочерил меня.

Вообще-то я Сашу всегда воспринимала как родного, как и Гошку, второго сына моего отца, вернее отчима. Наверное, потому что братья в моей жизни появились раньше отчима, как бы странно это ни звучало.

– Смеёшься? Ты так вылизала мою берлогу, что никто не

поверит, что я живу один, сольются, только зайдя. Ещё и борща наготовила! Где ты видела младших сестёр, готовящих борщ, а?

– Там котлеты ещё и перловка с грибами в горшочках, – улыбнулась я, силясь изобразить милую наивную младшую сестрёнку.

– Звездец! Ты меня без личной жизни оставить хочешь? – загоготал во всю лужёную глотку Саша.

– Раскидай по периметру прихожей грязные носки, это должно уравновесить атмосферу, – протянула я, в ответ заливаясь смехом.

В это время подошёл ещё один братец – этот двоюродный.

– Сонька! – завопил он, подхватывая меня, как тряпичную куклу, которую не обязательно спрашивать, хочется ли ей быть раздавленной в объятьях.

Дядька мой здоровенный, а этот и вовсе мутант-переросток. Ему бы в цирке на велосипеде кататься, держа в руках по пятипудовой гире, а он репродуктологом работает. Одним из лучших в своей области, между прочим.

– Лео! – сдавленно пискнула я, выворачиваясь из лап бога фертильности.

После появился Гошка, родной брат Саши, а мой, выходит, сводный. На этого набросилась я сама. Почти мой ровесник он продолжал расти, правда худой, но это пока. Невозможно одновременно расти ввысь и вширь.

Потом подрёб Петя – двоюродный Гошки и Саши. На па-

ру дней проездом в Москве, не смог пропустить шабаш в мою честь.

Ещё пришёл приятель Саши, который должен был притащить подружек, с чем отлично справился. Наш звездунец даже семейный ужин превращал в кейтеринг борделя.

К счастью, тестостероново-похотливую атаку на атмосферу сгладила появившаяся сестра Мия, которую я сразу же затискала, вереща от счастья. Обожала эту девочку, теперь уже совершеннолетнюю. А после и вовсе численные перевес качнулся в сторону лучшей половины человечества – подошла жена Лео Алиса с какой-то девицей, наверняка подругой.

После полагающихся объятий с родственницей, господи, спасибо, что остальные мои «братья» прямо сейчас не в Москве, руку мне протянула подруга Алисы.

– Лариса, – уверенно представилась она. – Девушка Илиаса.

– Софья, – ответила я. – Где же сам Илиас? – оглядела Ларису с излишним интересом.

Хотя, каким же излишним. Мне ещё ответ держать перед соседкой, по совместительству бабулей Агатой. Отчитываться в красках, кого нашёл драгоценный внучок, носитель бесценной греческой крови.

Это вам не шутки какие-то!

А здесь... Лариса.

Что я могла сказать про Ларису? Обычная такая Лариса. Среднестатистическая.

Рост выше среднего, вес в пределах нормы, одета опрятно, волосы тёмные, глаза светлые, высоким интеллектом не блещут, но вдруг это свет так падает, а на самом деле она кандидат каких-нибудь наук.

Учитывая профессию Илиаса, не хотелось представлять – каких именно.

Лариса тоже окинула меня придиричивым взглядом, непонятно с каких пирогов только. Мне ответ о потенциальной чистоте греческой крови потомков Илиаса держать, а ей какой интерес?

Пусть смотрит, не жаль. Выгляжу я на сто из десяти, это во мне воспитали папа и братья, и, если я хотя бы на секунду усомнюсь в этом, мои комплексы сразу же вздёрнут на ближайшем столбе.

Ни невысокий рост, ни субтильная конституция, ни огненно-рыжие волосы, выющиеся мелким бесом – огромная проблема на самом деле, – ни проступающие веснушки, и даже еле заметный шрам от виска до брови – след от увлечения тайским боксом, меня не смущали.

Напротив, я была абсолютно уверена в собственной неотразимости, индивидуальности, что я одна такая, совершенно особенная.

– С пациенткой разговаривает, – с улыбкой ответила Лариса, устраиваясь на стуле.

Хорошо, что только разговаривает... Меня передёрнуло. Кто бы мог подумать, что Илиас, с его-то перспективами

и возможностями, выберет такую специальность. Интересно, я одна такая нервная, а всем нормально? У Левона профессия смежная, однако меня это не смущало, наоборот, я им гордилась. Мы все гордились и гордимся.

А когда думала об Илиасе, дрожь проскакивала.

Хорошо, что вспоминала о нём редко, настолько редко, что как родня он мною не воспринимался. Любой из присутствующих и отсутствующих мне больше родственник, включая сводных, приёмных, названных, молочных, какие ещё встречаются в нашей огромной семье, чем Илиас.

Его мама, родная сестра моего отчима, второй раз вышла замуж, когда Илиасу было лет девять-десять, тогда же уехала из нашего городка на хлебосольных просторах Кубани, увезя двоих своих детей. Мию и Илиаса.

Мию привозили каждые каникулы. Илиас приезжал нечасто, на несколько дней, и сразу же скрывался в тумане мегаполиса, образовательных лагерей, спортивных сборов, научных конференций для школьников, чего угодно, только не нашего Грушевого переулкa, где проходило детство.

Все вокруг только и говорили, что Илиас станет крупным бизнесменом. Главой строительной компании отчима, чьи активы исчислялись огромными нулями, рассказывали, что его судьба решена: школа бизнеса где-нибудь в Англии и миллионы-миллиарды на счетах.

А он стал... гинекологом. Хирургом ещё, но всё равно гинекологом.

Я вспомнить не могла, когда последний раз видела Илиаса. Если напрямч память, то мельком на свадьбе Лео, один раз он заезжал к бабуле Агате, будучи проездом в наших краях, и пару раз на подобных встречах. И он вечно смывался раньше, чем я вспоминала о его присутствии.

– Тыковка, салют! – объявился тот, о ком я думала последние секунды.

Надо сказать, что я в принципе мало думала о мужчинах, всегда находилось что-то интересней, а тут задумалась. Ладно, спишем на джетлаг.

– Какая я тебе «тыковка»?! – мгновенно взорвалась я.

Прозвище это, родом из детства, я вычеркнула из лексикона родственничков в нежные пятнадцать лет, решив, что слишком прекрасна для какой-то там тыквы. Спорить со мной не стали – себе дороже.

И вдруг на виду имитации русской печи, прямо в мой пострадавший от перелёта организм летит: «Тыковка»

Илиас что, бессмертный?!

– Совсем дурачок, что ли?! Нет, совсем дурачок!

Подбоченясь, я уставилась на виновника вспышки моего дурного настроения.

Эм-м-м... интересно, куда смотрели преподаватели медицинского института, когда выдали харизматичному мужику диплом гинеколога?

Максимально допустимая внешность для мужчины-гинеколога, по-моему, абсолютно верному мнению: лысеющий,

чутка страдающий от ожирений, с минимальными следами тестостерона в организме.

Уж точно не высокий, русоволосый, с выразительными серыми глазами, чётко очерченным ртом и такими же скулами, высокий, широкоплечий, с кистями рук, которые бы в море воспевать.

А я, чтоб понятно было, совсем не гуманитарий, и далека от искусства, как человечество от ответа на вопрос: нарушается ли общая теория относительности внутри чёрной дыры из-за квантовых эффектов, аффинного кручения?

– Вовсе и не дурачок. Мама сказала, что я умный и красивый, – загоготал Илиас, глядя на меня, явно кривляясь.

– Только дурачок мог податься в гинекологи, – прошипела я первое, что пришло в голову.

Я не ретроградка, не шовинистка, не сексистка, почти не феминистка, всем существом за прогресс и равенство, но здесь не удержалась, не пыталась даже.

Потому что... потому что!

– А ха-ха, – загоготал на весь ресторан Илиас, демонстрируя ряд ровных, белоснежных зубов. – Точно, точно, у нас же органов на ладошку и диагнозов с тетрадный лист, – давась смехом, ответил он, широко и беспардонно улыбаясь.

Рядом раздался громоподобный смех Лео, видимо это какая-то медицинская шутка.

– Ну, здравствуй, Софья, – сменил смех на мягкий взгляд. Откуда в этом далеко не сладком лице образовалось эдакое

чудо, я рассуждать не стала. – Добро пожаловать домой.

Глава 2

Настолько жуткого утра, тем более ночи, у меня не было давно, вернее сказать, никогда.

Накануне начиналось всё просто отлично.

Мы собрались нашей большой компанией. Вспоминали детство, совместные проделки, родителей, дедушек, бабушек, соседей, делились планами, которых по обыкновению громадье и целая тележка. Были искренне рады видеть друг друга, особенно я.

Ребята регулярно встречались, ездили в гости друг к другу, навещали родственников в Краснодарском крае – нашей малой родине, основе основ нашего мироздания, фундамент, на котором мы стояли и стоять будем.

Я же уезжала из страны больше, чем на два года и потому впитывала общение, как земля в засушливый сезон долгожданный дождь.

Окончив бакалавриат Баумки, я поступила на магистратуру KAIST – корейский институт передовых технологий, обучаться не самой очевидной профессии для девушки – инженер-технолог, разработчик в области микроэлектроники и полупроводников. И бесконечных два с лишним года провела в Тэджоне, в Южной Корее.

Возможность прилетать домой на каникулы была. Помимо того, что я сама работала, родители с радостью оплати-

ли бы мне билеты, только одна мысль о перелёте отправляла благие намерения в очень-очень далёкое и максимально эротическое путешествие.

Единственная поездка, которую я себе позволила, живя в Южной Корее – это целый месяц на Пхукете, потому что поняла, что другого такого шанса у меня не будет. Не для того, чтобы полюбоваться шикарными видами и покрасоваться на пляжах – в этом я тоже себе не отказала, – а ради занятий тайским боксом на знаменитой улице Сой Тай-яд.

Ну, я уже упоминала, что гуманитарий и нежный бутончик из меня не очень получился, несмотря на рафинированную внешность и умение готовить обед из шести блюд за полтора часа.

Об этом неожиданном периоде своей жизни я расскажу позднее. Сейчас о вчерашнем вечере.

Сидели мы весело, шумно, ярко, по-другому у нас не бывает. Я не могла перестать есть, ведь если и была причина, помимо родных людей, почему я мечтала вернуться на родину – это еда, которая везде невкусная, кроме дома, если употреблять её дольше недели подряд.

Жевала, жевала и жевала, про себя радуясь, что со мной за столом два врача и целая медсестра-анестезистка – подруга Илиаса. Ведь если у меня остановится желудок или случиться закупорка кишечника, или кое-что слипнется от очередного десерта, меня гарантированно спасут.

И пила настойки, разнообразие которых поражало вооб-

ражение. За время, проведённое в Южной Корее, выпивала я всего несколько раз, всегда символически. Местный алкоголь, особенно соджу, категорически мне не нравился. Возможно, это спасло меня от алкоголизма в приступе ностальгии по родным берёзкам и борщу.

В какой-то момент, примерно после увлекательной истории Лео об экстракорпоральном оплодотворении и рюмки облепиховой настойки, стол, щедро уставленный закусками, покачнулся перед моими глазами и полетел прямоком мне в лицо. Коварное нападение я отбила ценой сломанного ногтя и с помощью Илиаса, прервавшего мой полёт.

Потом все суетились. Алиса с Лео доказывали, что меня необходимо отвезти к ним, подумаешь, ехать два с половиной часа в одну сторону, зато они как взрослые и ответственные люди справятся с проблемой. Мия порывалась срочно вызвать папу, потому что в любой непонятной ситуации бежала к папулечке – отчиму на самом деле. Сашины подружки суетились, создавая вид бурной деятельности, пытались оттащить моё внезапно обмякшее тело в уборную.

В итоге решили, что ночевать я буду у Илиаса, ведь у Саши планы, а у Ларисы недюжинный опыт постановки капельниц. Если что, мне и волосы подержат, и лекарство по кровушке пустят.

Нет, Саша бы сто процентов отказался от бурной ночи с очередной подружкой, чтобы спасти младшую сестру от позорной смерти от настоек и изысков ресторана высокой кух-

ни, но максимум, который он мог предоставить: крепкую пару рук и сорбент утром, а Илиас – врач.

Да, сомнительный, да, гинеколог, но врач же.

К тому же жил он в том же доме, что и мы с Сашей.

Современный жилой комплекс бизнес-класса строила компания Антона Игнатьева – отчима Илиаса и Мии. Стоило ли упоминать, что почти вся наша семья приобрела там жильё по сходной цене.

Кто-то для детей, как мои родители, кто-то для себя, как мой родной дядька, отец Лео, а кто-то для сдачи в аренду, как брат моего отчима.

Вот так мы и оказались в одном доме, только на разных этажах. У нас с Сашей, Гошей и ещё одним братом были просторные, сказала бы даже огромные двухкомнатные квартиры, у Илиаса и Мии двухэтажные квартиры планировки барнхауса несколькими этажами выше.

Пока ехали в такси, я немного пришла в себя, начала спорить и доказывать, что отлично справлюсь сама.

Зачем за мной присматривать?

Я и сама за собой отлично присмотрю, и за Сашей заодно, чтобы не баловался!

В лифте пыталась выйти на своём этаже, даже вышла, жаль этаж оказался не моим. Меня вернули в родную гавань – серебристую кабину с зеркалом снизу доверху. Краем глаза я успела отметить, что, несмотря на состояние, выгляжу я очень даже хорошо.

Потому что гены, потому что моя мама всегда хороша, и мне это передалось по наследству, как суперсила, вместе с умом, сообразительностью и желанием двигать горы между покорением стихий.

Она у меня построила дом, успешный бизнес, вырастила четверых детей, двое из которых приёмные, воспитала мужа, а уж сколько деревьев посадила – не сосчитать, и при этом оставалась настоящей красавицей.

Лестница на второй этаж в квартире Илиаса оказалась из стекла, отчего мой вестибулярный аппарат взбунтовался, что не добавило грации походке, но я всё-таки добралась до постели, гордо задрав нос.

Упала сразу же на указанную кровать и вырубилась мгновенно, как никогда в жизни.

Я и не пила никогда... пару глотков сладко-мутного соджу, бутылку сухого белого на выпускном из института, и два фужера домашнего вина после первого курса, вот и весь опыт принятия горячительного.

Чёртова последняя рюмка облепиховой настойки точно была лишней.

Чёртовы десерты, все три штуки.

Чёртова селёдка под, мать её, шубой.

И чёртов, просто жутко чёртов пирожок с яйцом и рисом.

Пришла я в себя посреди ночи. В чьей-то пижаме, которая оказалась мне страшно велика. С закатанными рукавами, штанинами и широкой горловиной, из-под которой тор-

чали худые ключицы и длинная – по версии семьи изящная, – шея.

Отыскала уборную рядом с комнатой, смыла косметику, привела себя в порядок, уж как получилось.

Огляделась, насколько возможно в полутёмном пространстве. Огромная ванная комната, белоснежная ванна, установленная по центру, душ за стеклянной загородкой вдоль стены, каменная столешница с раковиной, ряд шкафчиков, по которым я, естественно, шарить не стала.

Всего на этаже находились две комнаты и большой холл, выходящий на лестницу, вид с которого открывал почти весь первый этаж.

Минимализм, чёткие линии, акценты в виде современных статуй и картин, неизвестно что символизирующих.

Хорошо нынче живут гинекологи. Двухэтажные квартиры в стиле джапанди обустраивают, живописью интересуются, фикусы в огромных вазах выращивают, наверняка клинингом пользуются... не знала бы, чей пасынок Илиас, поверила бы в бюджетную сферу родной страны.

А так понятно, квартиру купил ему отчим, как мне купили и обставляют родители.

У наших семей чёткая установка, что детям необходимо дать максимум из возможного: хорошее образование и материальную базу. Это сэкономит лет тридцать жизни, которые можно потратить на становление и благополучие собственных детей.

В итоге мы все получали образование в той сфере, в которой хотели. Все имели возможность состояться как личности и профессионалы. Все устраивали свою жизнь, согласно своим желаниям и с учётом установок, которые получили в детстве.

Семья – главная ценность.

Семья – всегда на первом месте. Без исключений, без поправок на ветер и обстоятельства.

Семья – единственное, что имеет значение.

Но оформить квартиру в джапанди, со скульптурами в стиле Альберто Джакометти мог только Илиас...

Хотя, что взять с человека, который на серьёзных щах решил стать гинекологом и стал им?

Хирургом, да, но ведь гинекологом.

Остаток ночи я провела, курсируя вдоль покачивающихся стен между уборной и кроватью. Голова нещадно кружилась, меня тошнило, вертело, крутило.

Время от времени я порывалась умереть от головной боли. От того, что хочется спать, вертолёты же в черепной коробке жутко мешают. Иногда вырубалась, забываясь, тогда как организм просил передать привет Ихтиандру в шикарном туалете в том самом стиле джапанди, и я резко подрывалась, и неслась в нужном направлении.

Порой казалось, что я становлюсь похожа на одну из статуй в окружающем пространстве, и сам Джакометти с радостью бы взял меня в натурщицы.

Окончательно выключилась я, развалившись на просторном диване в холле, между двумя комнатами.

Проснувшись же от неясных звуков, разносившихся возле, вокруг, подо мной, кажется, даже во мне, что отдавались в мозжечок и солнечное сплетение.

В панике я открыла глаза. Перепутать такие охи и вздохи попросту невозможно, и эти восхищённые всхлипы со стонами произносила совершенно точно не я.

И вряд ли порно на моём телефоне, не смотрела я порно. Это точно не из одной из комнат с двух сторон дивана. Одна была отдана мне, вторая стояла пустая, демонстрируя пространство с компьютерным креслом у стены и панорамное окно, свет из которого бил прямо в мой правый глаз.

Стоны, переходящие в протяжные повизгивание и приглушённый мужской шёпот, требующий вести себя тише, доносились с первого этажа...

Я же лежала на диване, пялилась в белоснежный потолок с рядом светильников и боялась встать.

Не только ступени лестницы были стеклянными, но и перила, огораживающие пространство второго этажа, с которого открывался вид почти на весь первый – насколько я помнила...

Мало того, что парочка, трахающаяся с задором озабоченных кроликов, увидит мою помятую тушку, я увижу их. Мне же было достаточно того, что я их слышу.

Мама, папа, родите меня обратно...

Или заберите мою память, этой я больше пользоваться не смогу. Там, помимо интегральных схем, топологии, моделирования и верификации навсегда останется этот звук... и реакция моего тела на него.

Нездоровая реакция, я же не вуайеристка какая-то. У меня в принципе никаких сексуальных перверсий не наблюдалось, ни одной завалящей девиации не было.

Моя интимная жизнь была скучнее современного искусства, и вдруг такое...

Ой-ой-ой.

И этот дурачок мне даже не брат, между прочим!

Глава 3

Второй раз я проснулась через пару часов, а по ощущениям – спустя несколько суток. Помимо головной боли, уже не такой острой, как утром, подкатывала тошнота, и вовсе не от похмелья.

От понимания, свидетелем чего я стала...

Вроде бы всё понятно. Не могла же я всерьёз полагать, что Илиас – и любой из моих совершеннолетних братьев, – игнорирует эту часть жизни. Только одно дело – знать теоретически, другое – услышать практически.

Больше всего меня смущало не то, что я слышала, а собственные смешанные чувства, интерпретировать которые никак не получалось.

А я не любила, когда у меня что-то не получалось.

Вот если бы я слышала нечто подобное с Сашей, от души бы проблевалась, поставила на вид и постебалась немного, ибо святое. Если бы с Гошкой – проржалась про себя. При всей любви к братику, представить его в роли героя-любownika не выходило.

С Илиасом же ощущения были странные. Неприятные какие-то, помимо очевидной неловкости, стыда, чувствовалось резкое неприятие, отторжение и даже ревность.

Женская такая, гремучая ревность. И боль.

Больно мне было от того, чему свидетелем стала.

Что за ерунда-то?!

Ладно... спишем на джетлаг. Перелёт сильнее действует, когда летишь на восток, однако, учитывая мою «любовь» к перелётам, возможно всё, что угодно, включая ревность дурачка Илиаса.

Нужно просто встать, одеться, поблагодарить за гостеприимство, если дома кто-то есть, отправиться к себе. И покорять мир, конечно же.

Так я и сделала. Выбралась из постели, в которую отползла, когда звуки, терзающие сознание, утихли. Встала, критически оглядела себя в зеркало.

Спасибо генетике. Выглядела я вполне живой, здоровой, почти полной сил, но лучше подобных возлияний не повторять.

Минздрав предупреждает. Мама не одобряет.

Оделась, волосы закрутила в пучок – уж какой вышел, спасибо в валенок за ночь не превратились, – заглянула в ванную, не забыла прибраться, не оставлять же после себя разгром. Меня учили хорошим манерам, особенно бабушки старались. Отправилась на первый этаж в поисках кого-то живого, лучше не Илиаса.

Его я видеть была не готова... Ой, нет.

Мало того, что гинеколог, ещё и до таких звуков может женщину довести...

Хотя никаких противоречий. У него и справочка имеется, в смысле диплом, что является знатоком женского тела.

Зачем мне, спрашивается, такие сакральные знания, чувства подобные зачем?

Жила спокойно, в ус не дула. Проектированием интегральных схем интересовалась, свойства арсенида галлия изучала, чем лоу-кик от мидл-кик в тайском боксе отличается, и на тебе. Прямо под нос, вернее в ухо.

Тьфу!

– Ты на громкой, говори! – услышала я голос Ларисы с первого этажа, когда уже занесла ногу на ступеньку, чтобы начать спуск.

– Ну что, всё в силе? – ответил динамик телефона, разнося звонкий женский голос по первому этажу.

Если бы я находилась в комнате, я бы ничего не услышала. Но я стояла наверху, как на верхнем ряду амфитеатра, и смотрела вниз, где хозяйничала девушка Илиаса.

В коротеньком шёлковом халатике, подцепив волосы наверх, она расхаживала вдоль кухонного гарнитура, не выдающего признаки жизнедеятельности хозяев. Предел, который видела эта мебель – мытьё тарелок для еды из доставки.

– Ой, нет, прости, – прорыла в ответ Лариса.

Я замерла, раздумывая, как дать понять, что я слышу разговор. Подслушивать неприлично, без того наслушалась, на всю жизнь информации хватит.

– Сижу с младшей сестрой Ильи, – продолжила девушка Илиаса с горестным вздохом.

С Мией? Зачем с ней сидеть? Она совершеннолетняя, и

хоть папина гордость, мамина радость, в няньке точно не нуждается. Близняшки, которым потенциально может понадобиться бебиситтер, сейчас в отпуске с отцом и братом в очередной попе мира. Других сестёр нет, дальше сплошняком мальчишки, и за ними точно хватает желающих при-смотреть.

– С этой, которая из Кореи приехала.

Со мной?! Ещё более глупая идея, чем сидеть с Мией. В сиделке я точно не нуждалась.

– Илья велел глаз с неё не спускать, дескать, девочке нужна помощь, поддержка, у неё адаптационный период после переезда. Надо как-то развлечь, отвлечь, на шоппинг вы-браться, в салон красоты, всякое такое, – фыркнула Лариса, наливая в чашку кипяток. – Так что прости, придётся изображать гостеприимство и радушие.

– Что, такая противная? – разнёсся вздох сожаления на том конце провода.

– Обычная зазнайка. Родилась с серебряной ложкой во рту, все и вся крутятся вокруг королевского высочества. Сонечка то, Сонечка сё, Сонечка какая помощь нужна, Сонечка машину уже выбрала, Сонечка вся умная, Сонечка вся пре-красная, а Сонечка эта вчера наклюкалась до зелёных соп-лей!

– Ну так не ходи с ней никуда! Ты вообще-то не обязана, большая уже девочка, справится как-нибудь сама.

– Ага, сейчас! Илья мне карточку оставил на трусики и

бусики, чтобы бедной родственницей себя не чувствовала, когда сестрица его пойдёт деньги мамы с папой спускать. Ни за что не откажусь от такого шанса! – засмеялась во всё горло Лариса.

Сразу же замолчала, подняла взгляд наверх, благо я успела во время разговора отойти назад, увидеть меня она не могла.

– Понятно... – протянул женский голос в трубку. – Слушай, а откуда такая забота о Сонечке этой? Понимаю о родной сестре, а эта вроде двоюродная ты говорила.

– Так-то она вообще никакая не сестра. Родной брат матери Ильи взял бабу с ребёнком, этот ребёнок и есть Сонечка, – имя было произнесено с такой злостью, будто мой отчим не просто на моей матери женился, а вероломно от Ларисы собственной персоной отказался, бросив в придорожном борделе с пятью детьми и одним агрессивным котом.

– О, а ты не думаешь, что... что между ними не братско-сестринские чувства? Мало ли... я бы пригляделась на твоём месте.

– Думала, – шепнула Лариса, ещё раз кинув взгляд наверх. – Не похоже. Она на него, как на врага смотрит, а он на неё, как на особенного, развивающегося в своём темпе ребёнка.

– Понятно. Ладненько, удачи тебе с особенным ребёнком, – хрюкнули в ответ. – Хорошего шоппинга. Позвони вечером, похвастайся, что купила.

– Обязательно. Пока, пока.

Особенный ребёнок, значит. Развивающийся в своём темпе, выходит.

И кто бы смотрел, кто бы говорил. Гинеколог!

Как он там сказал «органов на ладошку, диагнозов с тетрадный лист»?

Мозг у тебя, дурачка, с ладошку, а диагноз один, тетрадный лист не нужен, чтобы поместилось: идиотия!

Ну погоди, Илиас, я тебе покажу помощь, поддержку и адаптационный период!

Нашёл несмышлёного ребёнка! На себя посмотри, ещё лучше – на подружку свою!

Что я вчера собиралась бабуле Агате рассказать? Обычная Лариса среднего роста, телосложения и умственного развития? Нет, не обычная!

На крысу похожа, и имя подходящее – Лариса-крыса!

Ладно, зря я так на девушку. Не ей в голову пришло, что за мной нужен глаз да глаз, патронаж обязателен. Не она приравняла меня к выпускнице подготовительной группы детского сада, а Илиас.

Ему и отвечать.

Я спустилась вниз, дружелюбно махнула рукой, приветствуя Крыс... Ларису. Остановилась, улыбаясь почти сердечно.

– Привет, Соня, – засияла та в ответ, будто всю жизнь ждала встречи со мной. – Как себя чувствуешь? Кофе? А, нет,

тебе лучше не пить сейчас кофе, – покачала головой, изображая сочувствие. – Я тебе сейчас таблеточку дам и порошочек разведу, сразу легче станет, а хочешь, капельницу сделаю? – заморгала, глядя на меня во всей готовности.

Переигрывает – это плохо. Старается – это хорошо.

Расскажу Илиасу, что его девушка пыталась изо всех сил, пусть похвалит. Купит трусики, бусики, цветочки... что предполагается примерным девочкам за хорошее поведение?

– Спасибо, ничего не надо. Я пойду.

– Но... – на секунду замешкалась Лариса. – Всё же выпей вот это, – кинула какую-то шипучую таблетку в стакан с водой, – сразу легче станет. А потом... потом, давай по торговому центру прогуляемся, в кафешку сходим, развеемся. Ты давно не была в Москве, покажу тебе, что здесь и как.

Прозвучало практически искренне, особенно последнее предложение. Видимо Южная Корея для Ларисы звучало примерно, как фавелы Бразилии или Камбоджа.

– Спасибо, – растянула я губы в улыбке, почти искренней. Всё же человек заботится, а что не в курсе, что Южная Корея занимает двенадцатое место в мире по ВВП – мелочи. Зато капельницы умеет делать, в отличие от меня умницы, не отличающей цитрамон от скипидара. – В следующий раз. Дома что-нибудь приму, уверена, у Саши имеется какое-нибудь средство на такой случай. И извини за... вчерашнее. До встречи, – добавила с излишним энтузиазмом, в то же время давая понять, что разговор окончен.

– Ладно, – расстроено протянула Лариса.

Илиас без меня не позволит своей девушке потратить немного денег со своей карты?

Не просто гинеколог, ещё и скупердяй. Н-да-а-а... как такое недоразумение могло вырасти в нашей семье?

Квартира Саши встретила ожидаемой тишиной и беспорядком. Нет, он попытался прибраться или это сделали приглашённые дамы, только руки у них явно росли не из плеч. Зато точно были другие достоинства, иначе не оказались бы в постели с моим братцем.

Вот про постель и брата я подумала зря.

Если в случае с Сашей я словила лишь глухое раздражение, помноженное на недопонимание: что вообще прекрасного находят в нём женщины? Естественно, он звездун хоккея, национальная гордость, красавец хоть на разворот глянцевого журнала, но бо-о-о-о же мо-о-ой, это же отвратительно, то мысль о другом «брате» заставила болезненно сжаться.

Как прикажите жить с таким пониманием? И какого фига я ревную этого дурачка к его же девушке? Нормальная ведь крыска Лариска... Лариса...

Ой, всё!

Провозилась с волосами два битых часа, какое-то время потратила на регистрацию в приложении каршеринга. Посмотрела салоны по продаже автомобилей, чтобы заехать на обратном пути, и студию дизайна, обещающую ремонт в

кратчайшие сроки. Ремонт-то мне сделают, а вот придумать, где какая полочка должна быть, куда картину повесить – это не ко мне. В общем планов много.

Вот только голову одному дурачку откушу и займусь делом.

Пока же сосредоточиться не получалось. Кипучая, могучая, никем непобедимая – как в песне, – злость не позволяла. Чем больше проходило времени, тем сильнее я злилась.

С каких пирогов, спрашивается, Илиас решил, что меня необходимо водить за ручку, развлекать и адаптировать? А пустышка не нужна, нет?

Я не трёхлетка сопливая, вообще-то, а взрослый, самостоятельный человек, двухкратный победитель национальной премии «Студент года» в номинации «Интеллект года», дипломированный специалист, кандидат в мастера спорта, и стала бы мастером, если бы в своё время не ушла с головой в науку.

У меня своя квартира, парковочное место, скоро это место займёт машина, которую я сама же собираюсь водить, потому что за рулём с восемнадцати лет.

В какой момент этому служителю Асклепия почудилось, что я нуждаюсь в помощи?

Клинический комплекс, где на ниве сохранения женского здоровья трудился Илиас, встретил огромными корпусами, разбитыми между ними скверами, с начавшей распускаться зеленью, и мурашками по всему моему телу.

Я ненавидела врачей. Ненавидела болеть.

Не знаю, откуда взялась такое отношение. В детстве я не была болезненным ребёнком, во взрослом возрасте не болела, единственные недомогания, которые могла припомнить – травмы, добавившие седых волос родственникам.

Просто однажды поймала себя на том, что мысль о врачах и больницах наводит на меня настоящую панику, желание свалить за горизонт навсегда, реальность же заставляет бежать сломя голову куда подальше.

Я здесь. Любые медицинские манипуляции – там.

Рефлекторным движением было развернуться и убежать от подкатывающей паники, но это же чувство, как ни странно, командовало идти. Никаким «боюсь», «неприятно», «остановись» в моей жизни нет места.

Страшно – встала и отправилась навстречу страху уверенной походкой.

Нужный корпус нашла быстро, долго шла по переходам, вздрагивая от каждого встреченного мужчины в белом халате или хирургичке. В первое мгновение виделся Илиас, и сразу же становилось ясно – не он.

Высокие, низкие, молодые, старые, некрасивые и красивые рядом не стояли с моим... «братом», что ещё раз подтверждало мысль о том, что диплом ему выдали по ошибке, а то и по преступному умыслу.

Такой мужик – и вдруг гинеколог!

Тянет на умышленное деяние. Группой лиц. По предва-

рительному сговору.

Больничный, ни с чем не сравнимый запах, ударил в нос, заставив замереть от отвращения. Боже мой, пациентов понять можно, они оказываются в этом месте не по своей воле, но людей, работающих здесь – нет.

Особенно одного, конкретного человека.

– Здравствуйте, – попыталась я выдавить из себя улыбку, глядя на медсестру за стойкой в середине отделения – дошла я туда практически на негнувшихся ногах. Почему Илиас не устроился торговать фруктами?! – Могу я увидеть Илиаса Александровича?

– Кого? – симпатичная девушка подняла на меня глаза, нахмутив светлые бровки.

Вот, есть же миленькие девочки в этом месте. Зачем Илиас выбрал Ларису? Милашку же, стоявшую за сестринским постом и бабуле Агате показать не стыдно, и сожрут – не жалко.

– Илиаса Александровича, – повторила я. – Андриади.

– Илья Александрович в ординаторской, – махнула рукой в конец коридора, который заканчивался панорамным окном и растениями в огромный кадках.

– Спасибо, – кивнула я, направившись в указанном направлении.

По коридору бродили женщины, похожие на привидения, кто-то больше, кто-то меньше, в целом же вид имели удручающий, бледный, иногда с зелёным отливом.

Немногие палатные двери были открыты, демонстрируя нутро с несколькими медицинскими койками, с лежащими на них пациентками, возле некоторых находились стойки для капельниц. Иногда в палатах негромко работали телевизоры, в основном же царила пугающая тишина, прерываемая редкими болезненными стонами.

Ой... Не Илиас дурачок, а ты совсем дура, Соня!

Нашла, где провести третий день в родных пенатах.

– Соня?! – врезалась я в кого-то высокого, уткнувшись носом в тёмно-зелёную ткань. – Что-то случилось?

На меня озадаченно смотрел Илиас, а я... я как-то вдруг забыла список требований, который лелеяла весь путь сюда. Настолько неожиданным стало понимание, что смотрящий на меня врач – живой, настоящий, из плоти и крови, знающий анатомию, особенно женскую, – тот самый мальчик, с которым я ругалась в детстве до белых мурашек в глазах.

– Плохо себя чувствуешь? – Илиас бесцеремонно приподнял мне веки, чтобы оценить склеры. Я нервно вывернулась, не хватало, чтобы он продолжил осмотр. Учитывая специальность, белками глаз не обойдёшься. – Лариса не оказала тебе помощь? – нахмурился он.

– Илья Александрович, в восьмой Васнецова! – подскочила медсестра, с которой я разговаривала несколькими минутами ранее.

– Илья Александрович, ждём в операционной, – сразу же сказал невысокий, убелённый сединами доктор, вышедшей

из ординаторской, мазнув по мне равнодушным взглядом.

– Васнецова... – напомнила медсестра. – И из седьмой Смирновой дочь пришла.

– Соня, иди в процедурную, дам распоряжение, всё сделают в лучшем виде, – выдал Илиас, набирая на ходу скорость.

– Мне хорошо, не надо ничего в лучшем виде, – рванула я следом. – Я просто... рядом была, машину выбирала, ну и решила зайти.

– Точно? – уставился на меня Илиас, наверняка отмечая все нюансы и несовершенства. На что обычно врачи смотрят, помимо склер?.. Кожные покровы, слизистые, симметрия лица, отёки? – Бледненькая...

– Точно! – почти взвизгнула я. – Вижу – ты занят, я тогда пойду! – выдала с наигранным энтузиазмом.

– Илья Александрович!

– Илья Александрович?

– Илья Александрович...

Неслось со всех сторон.

– Знаешь, что, если есть время, подожди меня. Здесь напротив кулинарная лавка очень приличная, часов в шесть освобожусь, посмотрим, что там с машиной... Ладушки?

– Ладушки, – кивнула я, глядя вслед стремительно удаляющейся высокой мужской фигуре в медицинском костюме.

Ладушки-ладушки, где были? У бабушки...

Есть в этом районе автомобильные салоны, интересно?

Глава 4

– Возьми хотя бы десерт, если бульон не лезет, – поднял на меня взгляд Илиас, отрываясь от говядины с бататом, которая была четвёртым блюдом, не считая парочки слоек и булки с маком, дожидających своей очереди.

Единственное, что я взяла в буфете, решив, что что-то в себя впихнуть всё же нужно.

– Не хочу, – скривилась я, закатив глаза.

В ближайшие дни мне гарантирована потеря веса. От здорового аппетита, коим я всегда славилась, меня успешно «закодировал» ресторан русской кухни, выбор настоек и утренние звуки с первого этажа.

И если с первыми пунктами я смирилась – с кем не бывает, как говорится, – то второе выбивало из колеи. Особенно когда сидела вот так, нос к носу с «виновником торжества».

Для чего мне сакральные знания о его интимной жизни, что с ними делать?

В качестве сувенира на полочку не поставишь, как рухлядь не выбросишь.

– Ладно, – снисходительно протянул Илиас, пробежавшись по мне оценивающим взглядом врача, от чего ледяные мурашки вздыбились по всему телу.

Взял слойку и отправил в рот, с жадностью откусывая. Я же смотрела на длинные пальцы с аккуратно обработанными

ногтями и не могла избавиться от мысли, где именно бывали эти руки...

Понятно, что в перчатках.

Понятно, что работа такая.

Понятно, что кто-то должен.

Но, чёрт возьми, как перестать об этом думать, а?

И почему ничего подобного не приходит в голову, когда я общаюсь с Лео?

– А я голодный, как собака. Остался без обеда сегодня, – прожевав, сказал Илиас.

– У вас разве нет обеденного перерыва?

– Есть, но его я провёл в операционной. Повторная вне-маточная, пришлось идти на лапаротомию, – оценил на мой непонимающий взгляд. – Полостная операция, – пояснил, – удалять маточную трубу. Пациентка поздно обратилась за помощью, как итог – бесплодие.

– Совсем? – дежурно поинтересовался я.

Не то, чтобы я не сочувствовала этой неизвестной женщине, просто проблемы детства и материнства находились бесконечно далеко от меня.

Я твёрдо знала, что когда-нибудь выйду замуж, рожу детей – двоих, может быть троих, – но сейчас думать об этом не собиралась. И со здоровьем у меня всё было отлично, не считая редких, лёгких недомоганий, на которые я не обращала внимания.

– Варианты стать матерью всегда есть, – кивнул Илиас. –

Но лучше следить за здоровьем, не доводить до крайностей.

– И не оставлять врачей без обеда, – улыбнулась я.

– Вот именно, – согласился оставшейся голодным врач. – Так что с машиной? Выбрала что-то конкретное?

Мысли относительно автомобиля у меня были, расплывчатые планы имелись, но прямо сейчас я исходила из того, какие поблизости имелись салоны. Всего два, один из которых вычеркнула сразу.

Прости, отечественный автопром, я со всем уважением и почтением, но пока что не стала лягушонкой, в коробчонке ездить не желаю.

Оставались китайские гибридные кроссоверы премиум класса. Не по карману, но не признаваться же, что на самом деле приехала с разборками, когда озвучила версию выбора автомобиля.

– Лисян? – приподнял брови Илиас, оценивающе глядя на меня. – Не слишком?

– Не слишком что? – мгновенно вспыхнула я.

– Не слишком дорого? – пояснил Илиас.

– Эй, у меня есть деньги! – почти не обманула я.

Такие деньги у меня были, да, только это были последние имеющиеся накопления. Тратить всё на машину откровенно глупо.

Впереди ремонт – пусть его собирался оплатить папа, – обустройство новой жизни, обучение – я вечно чему-то училась, что всегда стоило немалых денег. И вообще...

Только признаваться в чём-то подобном, тем паче Илиасу, я не стану никогда в жизни, тем более в том, что причину внезапного визита я придумала на ходу.

– Вообще-то я успешно работала и собираюсь продолжить в том же духе, – сложила я руки на груди, уставившись на оппонента.

Красивый всё же у меня «братец». Не Аполлон Бельведерский, не подиумная модель, но абсолютно точно привлекающий внимание женского пола в радиусе ста и более метров. Вон, как пялятся... глаза отшлифовали, глядячи. Дело не только во внешности, скорее в интеллекте, который бросался в глаза, обезоруживающей харизме, льющейся сплошным потоком на окружающих. Эффекте Бога.

Цены бы не было такому мужику, не будь он гинекологом.

– Хорошо, хорошо, – поднял руки Илиас. – Лисян, так лисян. Сейчас доем и пойдём. Выбрала конкретную модель, или пока присматриваешься?

– Присматриваюсь, – важно кивнула я.

Естественно, присматриваюсь. До этого славного часа я не рассматривала эту марку. Слышала много хорошего, могла разложить по полочкам технических характеристики лучше любого консультанта, но всерьёз рассматривать покупку – нет.

С головой проблем нет. Не было, во всяком случае...

– У тебя самого какая машина? – сощурилась я. – Может, посоветуешь что-нибудь? – захлопала я ресницами, изобра-

жая невинную овечку.

– Джили Монджаро, – спокойно пожал плечами Илиас, называя марку раза в два дешевле той, что я «рассматривала». – И то в кредит, – подмигнул он.

– Четырехцилиндровый движок, два литра, турбина, мощность до двухсот сорока, если не путаю, разгон до сотни за семь и семь секунд, – кивнула я. – Хорошая машина.

Для рядового врача не просто хорошая, почти недостижимая.

– Смотрю, не очень-то тебе нужна консультация по выбору автомобиля, – улыбнулся Илиас, будто до этого всерьёз верил, что мне необходим совет.

– Напоминаю, для тех, кто в танке, я – инженер, – приподняла я бровь.

Не пальцем деланная я. Не представитель самой гуманной профессии в мире, конечно, но не всем же ковыряться в...

Фу! Пришло же в голову посреди кулинарного буфета!

– Помощь никогда не лишняя, должна же я понять, подходит ли машинка под цвет моих глаз, например, – попыталась включить очаровательную девочку-припевочку.

Да знаю я, знаю, что попытка провалилась, но что делать. Назвалась груздём – лезу в кузовок.

Никто за язык не тянул, не заставлял врать, что примчалась выбирать машину. Смогла бы выдать с ходу зачем именно заявила – откусить голову так называемому родственнику, – не пришлось бы сейчас изворачиваться.

– Ох уж этот цвет, – снисходительно улыбнулся Илиас, вызвав почти непреодолимое желание натянуть ему глаз на место, которое лечит другой специалист, на букву «п». – Лариса так же выбирала машину.

– Что выбрала? – Будто мне было интересно, что этот дурачок купил свой девушке.

Моя бы воля, у него вообще не было бы никакой девушки! Вот откуда такие мысли, а? Прочь, прочь, прочь!

– Хавейл, хорошие условия кредитования предложили, ну и под цвет глаз подошёл.

– Ты взял своей девушке машину в кредит? – ошетинилась я, словно было в этом что-то противоестественное.

Включила на полную катушку бабулю Агату, следящую, чтоб никакая гнилая душонка, особенно не греческого происхождения, не обманула славного внука-превнука. Использует крошечку, обесчестит и свалит со всем захапанным добром.

Очнись, Софья!

Во-первых, ты и близко не бабуля Агата. Во-вторых, так ему и надо, ибо!

– Она тогда не была моей девушкой, мы только присматривались друг к другу.

– И давно присмотрелись? – сунула я нос не в своё дело.

Хотя, почему же не своё? Мне предстоял допрос с пристрастием от всего семейства Зервас, кроме моего папы-отчима. Я обязана выудить всю подноготную, подготовить поч-

ву для... для...для... не знаю для чего.

Очередного горького разочарования, что отпрыск с чистейшей греческой кровушкой спутался с представительницей не той нации? Военных действий по этому поводу? Личного участия в этой борьбе добра с злом?

Национальная принадлежность Ларисы меня совершенно не волновала. Гречанка она или нет – всё равно, а вот наличие самой Ларисы какого-то чёрта бесило.

К чему бы это, почему, зачем?..

– Скоро три года, – спокойно ответил Илиас, сделав вид, что не заметил мой нездоровый интерес.

– И до сих пор не женаты? – включила я сварливую бабку.

Положа руку на сердце, ситуация сомнительная: встретиться три года с девушкой и не сделать предложение.

Только никакую руку на ни на какое сердце я класть не собиралась.

– Думаешь, стоит? – в упор посмотрел на меня Илиас.

Странно посмотрел, словно испытывал или сканировал, только зря. Испытывать меня бесполезно, ничего не добьёшься. Сканировать тоже – не увидишь, не поймёшь.

Я сама не видела и не понимала своих эмоций. Зачем завела этот разговор не ведала, что в принципе происходит, не осознавала. Брела на ощупь, как в густом тумане.

Нормально же всё было. Говорили о машинах, движках, мощностях, кредитных ставках, льготах бюджетникам, и на тебе – нос к носу с личной жизнью Илиаса! А я и без того

услышала больше, чем хотела.

– Дело ваше, – отмахнулась я, изображая равнодушие.

– Наше так наше. В салон? – в унисон мне ответил Илиас.

В салоне продавец-консультант облизывал нас с головы до ног. С энтузиазмом вещал о всевозможных преимуществах автомобиля, с каждым предложением разводя на модель дороже и дороже, исподволь подводя к последней, соответственно самой дорогой модификации.

Кроссовер, бесспорно, отличный, но не хотелось после покупки положить зубы на полку... И вообще, ведь не рассматривались никакие другие варианты.

Я хоть и хлопала глазками, отыгрывая милашку с задержкой психического развития – уж очень забавные аргументы «за» втирали менеджеры, как не насладиться зрелищем – таковой не являлась.

– Сонь, прекращай, – в какой-то момент одёрнул меня Илиас. – Нам нужно время подумать, Сергей, – обратился он к консультанту, отводя меня в сторону.

– Чего это «прекращай»? – зашипела я на якобы родственничка. – Отличная тачка, надо брать.

– Надо взять паузу, подумать. Машина дорогая, нет, очень дорогая. А ты девушка разумная и не станешь разбрасываться деньгами, предварительно всё не обдумав.

– Чего это разумная? – уставилась я на говорящего, клокоча внутри искренним возмущением.

Этому-то дурачку откуда знать, разумная я или так... по-

гулять вышла?!

Я, может, вообще не разумная. Глупая я может, как... как... крыса Лариса его!

И в целом, что хочу, то и делаю! Хочу халву ем, хочу лисян покупаю!

Прямо сейчас. Не сходя с места.

– Сонь, не глупи. Пошутили и хватит, – нахмурился Илиас после удачного тест-драйва. Действительно удачного.

Машина – конфета. Грильяж. Рафаэлло в мире автомобилей. Вместо тысячи слов! Но тратить все свои сбережения на это кондитерское изделие – идиотизм, какое-то тупое позёрство. Всё то, что я истово не любила в людях, всегда считая себя выше подобного.

– Я не шутила! – уставилась я на Илиаса. – Машина мне нравится. Беру!

Да, да, назло конкретному врачу отморожу уши.

– Завтра возьмёшь, – примирительно посмотрел на меня тот, чьими молитвами я превращалась из почти разумного существа в гранату с выдернутой чекой. Отпусти – взорвётся! – Остановись. Возьми день на размышления.

– Я уже поразмыслила и решила: беру!

– Упрямая, как баран, – зашипел Илиас. – Пойдём-ка, выйдем, – поволок меня за локоток к выходу, игнорируя мои попытки вырваться.

Не применять же навыки тайского бокса. Или?..

– Даже не думай, – было мне ответом на рефлекторно на-

прягшееся тело. — Напоминаю, что у меня имеется разряд по тхэквондо и весовая категория больше твоей. Не хочется стать звездой запрещённой соцсети: «Подающий надежды гинеколог на виду ошеломлённого персонала салона автомобилей премиального класса избил женщину», но как-нибудь переживу, если другого способа остановить тебя нет.

— Какое ты имеешь право останавливать меня?! Совсем дурачок, что ли?

— Право никакого не имею, ты права, но и ты не собиралась покупать лисян до сегодняшнего дня. В принципе ни к чему приценивалась, не выбирала, что именно хочешь, рынка не знаешь. Сюда притащилась, потому что ничего другого придумать не успела, растерялась почему-то, что не очень-то похоже на тебя. Так что давай, вместо того чтобы откровенную ерунду творить, скажи, зачем на самом деле ко мне на работу приехала?

Глава 5

– Я ушёл! – раздался вопль Саши из прихожей. – До вечера. Веди себя хорошо! – А это уже было сказано с гоготом.

– Непременно, – отозвалась я, отставляя чашку с кофе в сторону, оглядываясь вокруг.

Интересное всё же, как в нашей семье мог вырасти настолько бесхозяйственный индивид? Серьёзно, как?

Родители у нас были обеспеченными, но точно не миллиардерами, с баснословными счетами, прячущимися в офшорах. Строительство – это вам не нефтяные скважины. Помощница по хозяйству у мамы имелаась, приходила пару раз в неделю, в остальное время мы справлялись сами.

Сами убирались, сами готовили, сами следили за вещами. Кто что успел, кто с кем договорился, то и сделал. От всех требовали, всех баловали.

Саша рос в равных со всеми условиях, получал от отца за неделанные уроки, от мамы за разгром в комнате или кухне – последнее, похоже, было священным граалем нашего звездуна, лишь он умудрялся так насвинячить, – но только он вырос настолько безруким и безмозглым.

Да, да, я отлично помнила, что Александр Зервас не шутка какая-то, а звезда хоккея, один из перспективных нападающих страны, давно ходили слухи о скором приглашении в НХЛ, но этот факт совершенно не мешал ему быть безру-

ким, безмозглым и вообще чудищем морским.

Заодно отбитым ловеласом, собирающим на своём пути всё, что подаёт признаки жизни и имеет хотя бы условно привлекательную внешность.

Потому каждое утро красило место общего пользования не только нежным светом, но и бардаком, и это при условии, что он-таки пытался поддерживать порядок. Вон, чашки в мойку поставил... плюсик в карму за старания.

– Приятно было познакомиться, Сонь, – раздался мурлыкающий голос приятеля Саши, Рината Бекметьева, тоже нападающего, и тоже перспективного.

Половину вечера накануне Ринат ходил вокруг меня, облизываясь, как изголодавшийся мартовский кот, пока Саша не обратил внимание на поползновения друга в мою сторону, и не объяснил популярно, что кастрацию не обязательно производить под наркозом.

Я никакого внимания на заигрывания Бекметьева не обращала, хоть, в общем-то, он славный парень, симпатичный и весёлый. Стойкий иммунитет у меня на спортсменов.

Каким-то определённым типажом мужчины я не обзавелась, большая часть из них в моих глазах – безликая масса человеко-единиц. Зато имелся список под кодовым названием «точно не».

Точно не дурак.

Точно не сексист.

Точно не самовлюблённый нарцисс.

Одним словом: точно не спортсмен.

Нет больших самолюбов, чем спортсмены. Придите в любой спортивный зал, поглядите на оглаживающих взглядом своё отражение спортсменов, и сразу станет всё понятно. Любить он будет не вас, а себя и куриную грудку, естественно.

Ни от кого вы не услышите больше сексистских суждений, чем от спортсменов. Хоккей, футбол, волейбол, тем более борьба – моя больная мозоль, – не для женщин. Для нас, слабеньких, безвольных куриц придумали пальцы и минет, как благодать божью и лекарство от всех болезней.

А ещё, давайте на чистоту, мало какой профессиональный спортсмен блещет интеллектом, потому что нельзя объять необъятное.

Ринат не оказался исключением. Он был спортсменом со всеми вытекающими, а с этими вытекающими я имела возможность столкнуться лично... мне не понравилось.

Спасибо, больше не надо.

В первый тренировочный день на Сой Тай-яд я повстречала такого вот спортсмена и... потеряла бдительность.

Сыграл роль эффект неожиданности, ничем другим помутнение рассудка не объяснить.

Цветасто выругавшись на собственный проигрыш, я внезапно слышала рядом с собой русскую речь, с небольшим акцентом, но всё же свою, родную, коею не слышала больше года.

– Из России, красавица? – спросил меня симпатичный парень с азиатскими чертами лица.

Достаточно высокий, спортивный, со жгучим взглядом карих глаз и мягкой улыбкой. Его бы улыбку, да в булочки с заварным кремом.

– Да, а ты?

– Из Кыргызстана, – засиял парень. – Меня Алихан зовут, для простоты можешь Али называть. А тебя как звать, красивая?

– Софья, для простоты можешь Соней называть, – отзеркалила я ответ.

Я имя Алихан запомнить в состоянии, в простом варианте не нуждаюсь. Мне почему-то не пришло в голову, что Алихан не сможет удержать в голове Софью, а ему пришло.

Тогда бы мне и пресечь общение, послушать голос разума, но я повелась на обаятельную улыбку и обжигающий взгляд. Овуляция доказала, что она существует.

Целый месяц мы общались с Алиханом. Сначала лишь на тренировках, потом начали после, или до, к концу же моего пребывания на Пхукете практически не расставались.

Голова кружилась от красивых жестов Алихана, от романтических пейзажей в местах, куда он возил меня, от подарков, которые дарил, от прекрасных слов, льющихся на меня как из рога изобилия. Чувствовала я себя не принцессой, королевой. Царицей я себя ощущала, пред которой пал ниц раб покорный Алихан.

Красных же флагов, торчащих из всех щелей, не замечала в упор. А надо было, ведь всё было очевидно с самого начала: познакомились мы в спортивном зале.

Алихан – спортсмен с мировым именем, не в первой десятке, но никаких сомнений – всё впереди.

Мимо ушей я пропускала его сексистские высказывания.

Спорт, тем более борьба, тем паче тайский бокс – не женский вид спорта. Любой замшелый, слабый мужчина имеет больше прав на муай-тай, чем самая заслуженная спортсменка, по очевидной причине: она женщина.

Учиться женщине можно и даже нужно, образованная жена – подарок. Но убиваться в магистратуре по откровенно мужской специальности, например, как моя – инженер-технолог – сушая глупость и потеря времени.

Не стоит забивать голову разработками в области микроэлектроники и полупроводников, если в будущем единственное, что будет важно – рождение, воспитание детей, помощь старикам.

Женщина – цветок. Украшение. Сердце дома, его душа.

Тратить ресурсы этой души на чуждое, постороннее, агрессивное – абсолютно лишнее, если не сказать преступное деяние.

Обязанность мужчины защищать женщину, если надо, от себя самой.

Самое паршивое во всей этой истории, что я велась, как щенок на вкусняшку.

Сама не заметила, как стала вслух и мысленно советовать-ся с Алиханом, могу ли я надеть тот или иной наряд, можно ли выйти одной к бассейну, нормально ли заговорить с барменом, улыбнуться официанту.

Достаточно ли я нежный цветочек, когда с остервенением луплю по груше в спортивном зале, ломаю голову над миниатюризацией микроэлектроники или пора завернуться в простыни и ползти к плите, само собой беременной тройней?

Каким образом эта срань впитывалась в мой мозг, понятия не имею, но к концу месяца я засобиралась за Алихана замуж.

Более того, на Пхукет прилетели его родители, чтобы познакомиться с будущей невесткой. Одобрить, как я узнала позже.

Я уже всерьёз собиралась звонить родителям, чтобы огорошить счастливой новостью, что их самостоятельная, амбициозная дочь на серьёзных щах собирается замуж, переехать в Кыргызстан, чтобы носить почётное звание келин. Пока каким-то чудом не посмотрела на происходящее со стороны.

На Алихана, раздувшегося от важности, как индюк. На будущую свекровь, ласково перечисляющую мои будущие обязанности, пряча в глазах неодобрение выбором сына. На свёкра, зыркающего по сторонам со скрытым интересом и затаённой злостью.

– Погоди-ка, – вдруг уставилась я на Алихана, озарённая открытием: всё не так, как мне виделось. – Ты серьёзно хо-

чешь, чтобы я бросила магистратуру в KAIST?

– Естественно, – самодовольно кивнул в ответ Алихан. – И боксом ты заниматься больше не будешь. В зале полно мужчин, они смотрят на тебя!

– Не логичней было бы сразу найти девушку, соответствующую твоим запросам? С образованием восемь классов, умеющую готовить национальные блюда, уважающую ваши традиции... «келин-салам», «келин-чай», что там ещё, и которой не придёт в голову выйти из дома без разрешения старших, тем более пойти в зал, на бокс?

– В такой нет искры, жизни нет, как в тебя, Софья. Ты – огонь, самый настоящий. Умная, самостоятельная, целеустремлённая, ты многому научишь моих детей, будешь хорошей женой мне, полезной будешь.

Ни слова, каким он будет мужем, окажется ли полезен, и что дети в браке не «мои», «твой», а наши.

– Другими словами ты, хочешь взять такую, как я – умную, самостоятельную, целеустремлённую, – и сделать удобной для себя, превратить в безропотную овцу? Правильно я понимаю? – впилась взглядом в Алихана.

Куда только подевалась мягкая улыбка и жгучий, влюблённый взгляд? Откуда взялась злость в глазах, сжатые до белизны губы, кривая усмешка и напряжённые желваки на скуластом лице?

– Неправильно понимаешь. Я, – выделил он интонацией, – защищаю тебя, а не превращаю в овцу!

– Ой, пошёл ты сам знаешь куда, защитник! – рассмеялась я в багровое лицо Алихана.

Али, для простоты.

Господи, где были мои глаза, критическое мышление? Какого чёрта я повелась на сказки о цветочках, сердце и душе дома? Что мной руководило? О чём я думала? Куда утекал мой мозг, когда в уши лился отборнейший сексистский бред Алихана? Откровенная мизогиния.

Овуляция? Не целый же месяц, чёрт побери!

На следующий день я улетела в Тэджон, не потому что испугалась, просто месяц тренировок подошёл к концу, меня ждала учёба, друзья, насыщенная жизнь.

Правда, пришлось поменять квартиру, Алихан бесконечно писал, умолял, угрожал, присылал нелепо дорогие подарки без возможности вернуть.

Так бесславно закончился мой красивый роман со спортсменом с мировым именем.

Повторять опыт я не собиралась никогда в жизни, так что Сашины друзья-приятели отправлялись стройными рядами в поля-леса-огороды под «Спортивный марш» Евгения Кикбало.

Физкульт-ура! Ура! Ура!

Хорошо, что история с Алиханом в прошлом, как и с любым другим парнем. Любые отношения, поползновения на оные я поставила на паузу, твёрдо решив не портить себе жизнь романами.

Замуж рано, честно говоря и не хочется после такого-то урока от вселенной, а болтаться не пришей кобыле хвост, как Лариса с Илиасом, я не собиралась.

Не для того мама ягодку растила.

Кстати, по поводу Илиаса, глянула я на часы. Сегодня выходной, значит «братец» мог заявиться в спортивный зал, куда я записалась по территориальному признаку, уже к обеду, потому мне нужно попасть туда с утра, чтобы не встретиться.

Уборка свинарника после разухабистой Сашиной компашки подождёт.

Сначала необходимо спустить пар в спарринге, а после, с чистой головой, без желания убивать, заниматься домашними делами, а то так и до греха недалеко, знаете ли.

Если же я в зале встречу с Илиасом, желание убивать не рассосётся... наоборот, возрастёт втрое.

После злосчастного посещения автосалона мы почти не виделись. Несколько раз на парковке рядом с домом, один раз в кофейне на первом этаже, и один раз они с крысой Ларисой зашли к нам с Сашей на чашечку чая.

Лариса была сама любезность, слащаво вежливой, как пенопластом по стеклу водила, Илиас отстранённым, я же предпочла сбежать по внезапно появившимся неотложным делам. Не любоваться же на эту странную парочку...

Три года отношений. Три!

Он до сих пор не сделал предложение, она молчаливо ждёт, заглядывая в глаза с преданностью дворняжки.

Не знаешь, что хуже. Моя история с Алиханом или Ларисы с Илиасом.

Бросив грязную посуду, я быстро оделась и рванула с зал. Тренера моего в это время не было, но можно самой побоксировать, железо потягать – с моим телосложением лишним не станет, – а можно в бассейне поплавать, потом в СПА зависнуть, с подружками встретиться, в клуб вечером сходить, в караоке голосовые связки потренировать.

Надоело на чужую личную жизнь смотреть, то Сашину, то Илиаса...

Ой, тьфу, снова он!

Зал встретил тишиной. Несколько накачанных мужичков средних лет лениво ходили по тренажёрке, мысленно целуя себя в бицепс, трицепс и лобок, да парочка залитых гиалуронкой дам делали бесконечные селфи для подписчиков.

Последовав их примеру, я пару раз сфотографировала свою пятую точку в лосинах. Подписчиков у меня не было, зато ягодички смотрелись отлично. Упругие, подтянутые, крепкие, как орех.

Огонь!

Буду любоваться долгими зимними вечерами, когда завершится, наконец-то, ремонт в моей квартире. Недели две-три всего идёт, папа неустанно руководит процессом, мне же кажется, что целую вечность. Хотелось побыстрее перебраться к себе, меньше шансов случайно встретить Илиаса.

– Привет, – вдруг услышала за спиной знакомый с детства

ГОЛОС.

Тогда, в Грушевом переулке, он не был мужским, глубоким, завораживающим как сейчас, но интонации остались те же.

Да что ты будешь делать! Снова он!

– Привет, Илиас! – резко обернулась я, уставилась в лицо говорящего. – Что в такую рань здесь делаешь? Разве не хочется в выходной поспать? – излишне живо поинтересовалась, выпалив практически речёвку, с выражением лица бравого, слегка придурковато гусара.

– Ларису на работу отвозил, она дежурит, решил времени не терять, прийти с утра.

– Понятно! – засияла я, истово изображая радость от встречи. – А я... вот!

Упёрлась спиной в первый попавшийся тренажёр, оказавшейся римской скамьёй.

Что ж, пресс, значит, пресс.

Моему животу не хватает кубиков, а голове, очевидно, нейронов.

Глава 6

– Ты точно хорошо себя чувствуешь? – нахмурился Илиас, сидя напротив меня в ресторанчике рядом с фитнес-центром, из которого мы вышли вдвоём.

Я хотела слинять, постаралась вычислить время его тренировки, не вышло. Столкнулись нос к носу на выходе, солгать же что-нибудь правдоподобное с ходу не удалось. Не очень-то я умею врать.

В итоге Илиас пригласил меня «посидеть где-нибудь, поболтать по-родственному», я согласилась. А что делать? Не сбегать же. Вот ещё!

– Хорошо, – кивнула я, заглядывая в меню.

Селёдки под шубой, слава богу, не было. Настоек тоже. Память о злополучном вечере встречи была ещё жива, и ладно бы только вечере...

Не стоит об этом вспоминать, уставившись на виновника охов, вздохов и стонов, которые лились в мои уши наутро следующего дня. Не стоит.

Стоп. Стоп. Стоп!

– Ладно, – недоверчиво сощурился в ответ Илиас, оценивающе оглядев меня.

– Откуда интерес к моему самочувствию? – сложила я руки на груди в защитной позе.

Если бы моим здоровьем и настроением интересовался

любой из моих многочисленных родственников, я бы не обратила внимания – обычная забота близких людей. Но Илияс... он мало того, что не брат мне, он гинеколог. Личная граница, за которую я не собиралась пускать никого, кроме лечащего врача. И это точно не мой так называемый брат.

– Показалось, что у тебя живот болит... тянет, когда ты пресс качала.

– Показалось, – отрезала я. – Если и болит, то это нормально. Из-за переезда давно не занималась, резко начала, схожу в сауну или на массаж, пройдёт, – с энтузиазмом улыбнулась я от уха до уха.

Живот у меня действительно тянул, иногда терпимо болел, длилось это довольно долго, самочувствие хуже не становилось, значит, ничего страшного не происходило. Мало ли, что в женском организме может болеть... Не перелом, и отлично.

– Ладно, – повторился мой дознаватель. Прицепился, как клещ.

Настоящий кошмар – жить с врачом под одной крышей, общаться с ним. Не человеком, а лабораторной крысой под наблюдением себя ощущаешь.

– Вообще-то у женщин иногда болит живот, разве дяденьки профессора тебе не рассказывали? – прошипела я, пожалев, что согласилась пойти с этим эскулапом в ресторан.

Что я, греческого салата не видела или грибного супа-пюре? Мизерная компенсация за сомнительное удовольствие

лицезреть нарушителя моего душевного спокойствия.

Сидит напротив, сканирует меня на предмет редких заболеланий, а я вынуждена собственное воображение под лавку ногами запихивать, чтобы не думать о руках, ногах, вообще обо всём Илиасе...

Ой, нет! Зачем мне такие картинки перед глазами?

Если бы меня интересовал контент восемнадцать плюс, я бы нашла, где посмотреть. Сейчас же меня не спрашивали, просто показывали, против моей воли. А я не люблю, когда меня не спрашивают.

– Дяденьки профессора мне много чего рассказывали и показывали, поэтому я и спросил тебя...

– Слушай, давай мы просто поедим и пойдём по домам, не обсуждая моё здоровье. Обозначу на всякий случай: если мне понадобится совет врача, я знаю, как устроен гугл, обязательно найду нужную информацию, у меня отличный ДМС, на крайний случай ОМС, и деньги. Не маленькая, разберусь.

– Давай просто поедим, – Илиас спокойно отреагировал на мою тираду, напомнив миллион наших стычек в детстве: я возмущалась, требовала, взывала, он безмятежно ждал, когда стихнет буря.

Подошёл полусонный официант, мы сделали заказ. Я ограничилась лососем с овощами гриль и кофе. Илиас взял полноценный обед, в очередной раз явив недюжинный аппетит, правда, ничего «запрещённого» – слишком жирного,

сладкого, мучного – в его тарелках не наблюдалось. Всё строго по делу.

– Слышал, ремонт уже начался? – спросил он, когда расправился с борщом, один вид которого вызывал во мне протест.

Это, простите, борщ? Бабушку бы Галю сюда или Агату. Они бы показали этому заведению, как родину любить, ой, борщ готовить.

– Начался, – кивнула я. – Работы полно, но дело движется, месяца через два-три планирую новоселье. Приглашаю! – выдала голосом победителя. – С Ларисой, – вовремя вспомнила, что вообще-то, сидящий напротив не одинок.

Не клеилась Лариса к Илиасу, не подходила, не складывался пазл. Только дело это не моё.

– Обязательно, – сразу же согласился Илиас, улыбнувшись.

А зачем ему ломаться? Очевидно, что на новоселье придут все родственники, коих немало проживало в Нерезиновой, может и из других городов, полей и весей придут. Как бы моя просторная двушка не показалась тесной кроличьей норой с таким количеством гостей.

– С работой что, нашла? – после минутной паузы поинтересовался Илиас.

Не жуётся ему спокойно... Перебросились бы дежурным смол-током о погоде, новинках кино, пробках на дорогах, если молчать не получается, нет же – тянет его на личные раз-

говоры.

– На днях выхожу. Разработка архитектуры и топологии микросхем, – важно сообщила я. – В Зеленограде.

– Далековато.

– Что поделаешь, – пожала я плечами.

Училась бы на продавца – нашла бы работу в соседнем магазине. Я пошла иной дорогой и отступать не собиралась. Вот-вот куплю машину, совсем проблем не будет, кстати, приснопамятный лисян. Дорого, но не отказывать же себе прекрасной. Заслужила.

Это и родители подтвердили, и звездун наш. Последний нагло заявил, что наконец-то нашёлся тот, кто будет его возить «если что», на что я лишь закатила глаза. На случай «если что» у Саши имелись деньги – тот же лисян он мог купить, не глядя на цену, – и отлично организованная служба такси.

– Ну а в целом, какие планы?

– В целом? – нахмурилась я.

В целом никаких конкретных планов я себе не рисовала.

Карьера – да. Спорт – да. Ремонт, обустройство квартиры – да. Встречи с друзьями, знакомыми, всяческие мероприятия, социальная жизнь, одним словом – да. А чтобы какое-то растёкшееся по древу «в целом» – нет.

– В целом – жить.

– Звучит как тост, – улыбнулся Илиас, поднял чашку с кофе, пригласил чокнуться, едва не заставив меня выпалить: на брудершафт! Ой-ой-ой... – За жизнь!

– За жизнь! – уверенно поддержала я, твёрдо решив не придавать значения мыслям, завертевшимся в голове нон-стопом.

Это всё овуляция! Вечно она меня подводит... Календарные числа не сходятся, но само по себе объяснение гениальное!

– У тебя какие планы, в целом? – выпалила я, чтобы отвлечься от воображения.

А ну кыш!

– В целом: аспирантура, диссертация на тему клинико-морфологических и иммуногистохимических эндометриозных поражений. Несмотря на то, что около десяти процентов женщин страдает от этого заболевания, оно плохо изучено. Этиология точно не ясна, диагностика сложна. Сейчас ситуация меняется в лучшую сторону, хочется продолжить двигаться в этом направлении.

– Десять процентов – это каждая десятая женщина. Почему не изучали? – нахмурилась я, задумавшись.

– Это не болезнь цивилизации, не бич века, от него не умирают, как от инфарктов или инсультов, да и... раньше мало кого интересовало женское здоровье, а мужчины эндометриозом не страдают, потому исследований на данную тему в процентном соотношении немного, но я намерен это исправить, – подмигнул Илиас. – Не будем о грустном, а то, я гляжу, ты побледнела, – участливо улыбнулся. – Всё так же боишься врачей и болезней?

– Ничего не боюсь, – огрызнулась я.

На самом же деле ничего и никого не боялась. Могла отыграть полуобморок при виде таракана или мыши – девочка я или нет? – но всерьёз не боялась. Имели значения лишь обоснованные опасения: представляет ли объект опасность или просто противен, если представляет, как действовать?

Больницы и врачи опасности не представляют, напротив, несут... свет и радость людям, но оставалось какое-то подспудное чувство неприятия, бороться с которым я не собиралась. Вдруг это память предков во мне говорит, остатки инстинктов, коих с точки зрения науки у человека нет, а мне каким-то чудом достались.

И прямо сейчас напротив меня сидел один из представителей самой гуманной профессии в мире и с лицом пресного лектора вещал про бич века, летальные исходы от инфарктов, инсультов и этот... эндометриоз.

Надо погуглить, кстати, что за дрянь такая, что им аж Илиас Андриади заинтересовался. Впрочем, что с гинеколога взять?

– Да? – приподнял одну бровь Илиас, давая понять, что не поверил. – Значит, мне показалось, – снисходительно глянул на меня, тем самым взглядом врача, считающего себя богом. Уф! – А что на личном? Есть молодой человек? – без всякого перехода спросил он.

– Я же не спрашиваю, что у тебя на личном, – запальчиво огрызнулась я.

– У меня всё стабильно, есть девушка, зовут Лариса, вы знакомы.

– У меня тоже всё стабильно, есть парень, зовут... Алихан! – выплюнула в ответ.

От внутренней злости – девушка у него, видите ли, Лариса, оказывается, – не нашёлся с именем поинтересней. Вот и выпалила первое, что пришло в голову: Алихан.

– Алихан? – нахмурился Илиас, с сомнением глядя не меня. – Первый раз слышу. Родители, надеюсь, в курсе?

– Я уже достаточно взрослая, чтобы не докладывать родителям о своей личной жизни, – фыркнула я.

Заодно представила поток вопросов, которые неминуемо посыплются, если родные узнают об Алихане. А я сама о нём знать ничего не хочу, слышать не желаю.

Чтоб у меня язык отсох – ляпнуть такое. И у Илиаса, чтоб отсох, если расскажет о том, что я ляпнула, не подумав.

Попросить Илиаса никому не рассказывать? Превратить ставшего пустым местом парня в тайну, напустив тумана? Слишком много чести тому и другому.

– Я гляжу, ты тоже не спешишь рассказывать всем и каждому о своей Ларисе, – едва удержалась от приставки «крыса».

За что я на неё взъелась, абсолютно непонятно. Приятная во всех отношениях, обходительная, с уважаемой профессией в руках, главное – мальчику на ней удобно.

– Но и не скрываю, – парировал Илиас в ответ.

Не скрывает, согласна. Три года на виду нескольких семейств полощет женщине мозги, не переводя отношения на другой уровень, и совершенно не стыдится происходящего.

В Грушевом бы такое не позволили. Поставили бы подходящую по происхождению гречанку пред светлые очи, женили за пару месяцев, а Москве – пожалуйста: сожительствуй с кем хочешь, женись или не женись на ком пожелаешь.

– Что ж, надеюсь, скоро мы все познакомимся с твоим молодым человеком Алиханом, – глубокомысленно сказал Илиас, глядя с сомнением на меня.

– Обязательно, как только он прилетит с Пхукета. Он там тренируется. Тайский бокс.

– Спортсмен, значит, – с ещё большим сомнением оглядел меня родственничек.

– Спортсмен! – отрезала я.

Как-нибудь рассосётся моя ложь. Я брошу Алихана, он меня, найдётся другой Алихан. Мы в Москве, здесь Иванов меньше, чем Алиханов. В крайнем случае, переименую Ивана в Алихана.

Глава 7

Коллектив на работе подобрался молодой и дружный. Все как на подбор образованные, креативные, пышущие идеями, заинтересованные в результате. Не сказать, чтобы я совсем не ожидала такого, и всё равно была приятно удивлена.

Трудилась я уже пару недель, успела со всеми перезнакомиться, с кем-то шапочно, с кем-то плотнее. Некоторые прыгали в мой новенький лисян, чтобы быстрее добраться к ближайшей станции метро, пару человек ехали чуть дальше, пока нам было по пути. Я не возражала.

Компания – всегда хорошо. И новые знакомства хорошо, и вообще – всё хорошо.

В тот день подбросить желающих удалось только к метро, потом мой путь лежал в другую сторону.

На двойное свидание.

Мысленно я закатила глаза, прикидывая, как бы побыстрее свалить с этого увлекательного мероприятия. Что за дурасть такая, ходить на свидания компанией? Мы что, в пятом классе средней школы? Но отказать собственному брату никак не могла.

Вернее могла, ещё как, только глядя в несчастные карие глаза, выражающие скорбь всех брошенных щенков в мире, махнула рукой – схожу.

Очень нашему звездуну хотелось сводить в кино девушку

с оригинальным, а главное, редким именем – Оля. А Оля ни в какое кино со звездой хоккея не хотела. И саму звезду видимо не хотела. Подозреваю, что и к хоккею она относилась с видимым пренебрежением.

Тогда великим стратегом в лице звездуна был придуман гениальный план захвата крепости: он приглашает Олю, Ринат идёт со мной, мы изображаем влюблённую парочку, потенциальная жертва обаяния Александра Зерваса чувствует себя в безопасности и, как поётся в песне:

Он её, голубушку, шмяк-шмяк-шмяк-шмяк.

Ам-ням-ням-ням, да и шмыг-шмыг-шмыг-шмыг...

Я не представляла, какая девушка поведётся на подобное, зато знала, какие девушки нравились брату, потому верить в гениальность данной двухходовки было легко. Удивительно, что Саше в принципе пришлось придумывать схему, обычно слабый пол сам изворачивался, чтобы оказаться в позиции бабочки, которую шмяк-шмяк-шмяк и ам-ням-ням-ням.

Подъехала к кинотеатру с небольшим опозданием, быстро поднялась на нужный этаж, глаза по сторонам, чтобы не пропустить брата и своего «парня», будто этих двоих можно оставить в помещении и потерять.

Как же! Очевидно: где толпа – там звёзды.

Ринат подплыл ко мне, игнорируя шепотки и телефоны, которыми якобы из-под полы нас фотографировали.

– Сонечка, рад встрече, – улыбнулся обаятельный гад.

Жестом клоуна-недоучки вытащил из-за спины симпатичный небольшой букет в картонной коробке. Спасибо, что не веник метровых роз, которые пришлось бы таскать всё время «свидания».

Саша помахал рукой, обхватил за плечи тщедушное создание, бывшее пепельной блондинкой, и поволок в нашу сторону, игнорируя стайки девчонок, глазающих со всех сторон.

– Знакомьтесь, Оля. Оля, это Соня – моя сестра и девушка Рината.

– Очень приятно, – выдавила из себя Оля, кинув в мою сторону настороженный взгляд серых, в пол-лица глазищ.

– Взаимно, – ответила я бодро, мысленно отвешивая туманов звездуну.

Что ему понадобилось от этого существа? Понятно, что, то же самое, что и ото всех остальных женщин мира, без поправки на ветер, возраст, семейное положение, но пора отделять мух от котлет. Девиц, готовых без раздумий прыгнуть на звёздный член лучшего нападающего КХЛ, от другой категории девушек, которые, наоборот, избегают звёздной шумихи и золотой пылицы, витающей вокруг венценосного хоккеиста.

Таких мало. Саша подобных никогда не встречал – по идейным соображениям, – но голова зачем-то ему дана, правильно?

Зачем-зачем? Чтобы в неё есть! Одним словом – спортсмен.

– Пойдёмте, опаздываем, – засиял Ринат, взмахнув билетами в сторону ВИП-зала, обхватил моё запястье, повёл в нужную сторону, изображая заботу... Или какое именно представление он отыгрывал для Оли?

Зал встретил приятным полумраком и полной пустотой. Зрителей оказалось всего четверо – мы. Неожиданное стечение обстоятельств, кто бы мог предположить.

Нам с Ринатом достались места в центре зала, внизу. Саше с Олей на последнем ряду – и снова неожиданность.

Шла какая-то романтическая комедия, с толикой трагедии, развития событий которой можно смело предугадать по первым кадрам. На экране не смешно шутили, зато страстно целовались и всё остальное так же страстно, насколько позволял формат.

Ринат то и дело хватался за мою руку, как утопающий за соломинку. Косился в мою сторону, пытался придвинуться, изображая искренний интерес. Я жевала салат, запивала соком, и обречённо ждала, когда эта тягомотина закончится, предвкушая разбор полётов, который устрою парочке нападающих, с требованием не вмешивать меня в свои схемы съёма.

И вообще – думать!

Ладно я, от меня не убудет, если что, я и травму могу нанести ухажёру. Оля точно не была готова к происходящему.

Уверена, она согласилась пойти в кино, потому что посчитала, зал будет обычным, вокруг много людей, не только дружба Саши с подружкой, а оказалась на заднем ряду ВИП-зала в полулежащих креслах, практически без свидетелей. Наша парочка, сидящая впереди и ниже, не в счёт.

Ничего криминального Саша не совершил бы, в этом я была уверена на сто процентов, а вот уговорить на то, что не входило в планы девушки – запросто. Налить в уши сладко-розового сиропа с блёстками, после свалить в туман, прикинувшись ветошью.

Блин, ему что, баб не хватает? Обязательно жизнь хорошей девочке портить? Пусть не жизнь, год, неделю, день – неважно.

Интересно, отсутствие первичных половых органов – если я нечаянно оторву, – скажется на хоккейной карьере?

Илиаса надо спросить. Он гинеколог, да. Но если человеку оторвать член, он ведь как бы уже не мужчина... Выходит, вопрос по профилю.

– Выйдем, – вдруг шепнул мне прямо в ухо Ринат, настойчиво дёрнув за плечо. – Пойдём, пойдём, пойдём, – потащил он меня, глядя в свой телефон, где мигала переписка с Сашей.

– Никуда я не пойду, – зашипела я в ответ.

Куда меня втянули? Сейчас звездун с отсутствием зачатков совести раскатает несчастную Оленьку, а мне с этим жить.

Нет, нет, нет!

Не знаю, есть ли на свете бог, только отвечать за развращение – или как это называется в религии? – невинных овечек абсолютно не хотелось.

– Не поняла правила игры? – уставился на меня Ринат, блеснув в отсвете большого экрана карими глазами.

– Оля вам не игрушка! – отчеканила я.

– Да она сама хочет, – продолжил распинаться мой уха-жёр, сильнее потянув на себя.

– Сейчас может и хочет, потом будет жалеть, – я схватила за тянущую руку, выворачивая болевым приёмом.

Чудо от хоккея решило, что от меня силой можно добиться того, чего я не желаю. Спортсмены обделены умом и сообразительностью, согласна, но даже глупенькие волнистые попугайчики отдают себе отчёт, что не стоит лезть под руку, а это недоразумение в себя поверило...

– Сонь, не порть малину брату, – взмолился Ринат прямоком в моё ухо. – Будь человеком.

– Моё кармическое предназначение – портить братьям малину. Не знал? – фыркнула я, не будучи уверена, что ответ услышат.

Главное, с места не встала. Уставилась на экран, там снова жарко целовались. Не надоело? В реальной жизни губы бы стёрли до зубов, герои же лобзались и лобзались, будто мёдом им намазано, поверх сгущёнки.

Так показ и завершился, со мной, установившейся на

экран, где герои под тошнотно-романтическую музыку сказали друг другу «да». Ринатом, обречённо смотрящим туда же. И Сашей, который пытался прожечь взглядом мой рыжий затылок, словно это когда-нибудь действовало.

Мы вышли в холл. Саша, дёрганный, как на шарнирах. Ринат, продолжающий играть роль моего парня. Невозмутимая я – а что мне этот звездун сделает? И взъерошенная, покрасневшая Оля.

– Продолжим вечер в приятной компании. Куда теперь? – прохрипел Саша, сверля меня взглядом, обещая все десять египетских казней на одну мою голову.

– Ты уверен, что компания приятная? – скользнула я взглядом по Оле, пытаюсь понять, как себя вести дальше. – Оля, составь мне компанию.

– Куда это?! – в один голос завопили два орангутанга, то есть нападающих.

– Попудрить носик, – огрызнулась я. – И сразу: в женскую уборную мужчин не пускают, мы сами справимся. Оля, пойдём, – практически отдала я приказ вконец растерявшейся девушке.

– Послушай, если тебя что-то не устраивает или пугает, можешь уйти прямо сейчас, – выдала я, как только мы отошли на приличное расстояние. – Запиши мой номер телефона на случай, если звездун не отвянет от тебя, я быстро разберусь.

– Кто-кто? – мягко улыбнулась Оля.

Похоже, её в женском монастыре в окружении котят воспитывали.

– Саша. Я его зову «звездун».

– Метко, – засмеялась Оля. – Я, наверное... останусь, только, если возможно, где-нибудь в людном месте, не как... там, – показала взглядом на холл, из которого виднелась дверь ВИП-зала.

– Не вопрос, – кивнула я, проникаясь необъяснимой симпатией к девушке напротив.

Обычно мне не нравились робкие мышки. Я попросту не понимала, как с ними взаимодействовать. Обижать не хотелось, наседать тоже. Я и не обижала, однако чувство, что моей кипучей энергии слишком много на тщедушное существо, никак не покидало во время общения.

Только не мне горделиво хвост распускать. Относительно недавно я блеяла, глядя на Алихана, а сейчас от одного гинеколога сердечко заходится.

Последнее – расстрельная статья по шкале измерения испанского стыда.

Я пробежала взглядом по вывескам, рекламным баннерам, листовкам, завывающим на мероприятия, куда бы мы могли пойти.

Выставка собак – нет, кошек тоже, импрессионистов тем более. Представила Сашу с Ринатом, таращащихся на творение какого-нибудь Клода Моне, внутренне проржалась.

Ресторан русской кухни? Живо воспоминание о послед-

нем посещении. Спасибо, подожду.

Недалеко каток, можно покататься на коньках... Два нападающих разгонят посетителей своей скоростью, а мы с Олей переломаем ноги. Романтично, нечего сказать.

О, турнир по тайскому боксу! Народу – тьма тьмущая, зрелищно, интересно. То, что надо.

– Муай-тай, – показала я на висящий баннер с изображением тайца в соответствующем обмундировании. – Уже идёт, но ничего страшного, основные бои ближе к завершению всегда.

– Ничего в этом не понимаю, – засомневалась Оля. – И ребята, захотят ли...

– Я расскажу, – я небрежно махнула рукой. – Спрашивать мужчин, что они хотят – время терять. Любому понятно, что именно они хотят, – усмехнулась. – Кстати, анонсированы и женские бои, так что им точно понравится. Будут сидеть, представлять, что за их золотые члены дерутся.

Ринат выбору досуга удивился, ещё больше удивился, узнав о моём звании кандидата в мастера спорта в таком экзотическом виде. Не вышивка гладью, не выращивание герани на подоконнике на скорость, с ума сойти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.